

20
Pfennig

15. 7. 1924

20
Pfennig

15. 7. 1924

съ иллюстрированнымъ воскреснымъ приложеніемъ „НАШЪ МІРЪ“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ

Wochentag-Ausgabe Nr. 137.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von **I. Nessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff** †

Подписная цѣна Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собственными разсылными еженеделно на домъ 1 зол. марка въ недѣлю, 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Во всѣхъ почт. утрежд. Германіи 4.30 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи въ Европ. страны: Австрію 45.000 австр. кронъ, Англію 5 шил., Бельгію 15 белг. фр., Болгарію 90 лев., Венгрію 47.000 венг. кронъ, Голландію 3 голл. гульд., Грецію 45 драхмъ, Дانیю 6 дат. кр., Даншгск. обл. 6 гульд., Испанію 6 пез., Италію 18 ит. лиръ, Латвію 200 латв. руб., Литву 12 литъ, Люксембургъ 15 фр., Мемельск. обл. 12 лит., Норвегію 6 норв. кр., Польшу 6 злотъ въ 1 мѣс., Португалію 20 эск., Румынію 180 лей, Турцію 120 піастр., Финляндію 30 фин. м., Францію 15 фр. фр., Чехословачію 24 чеш. кр., Швейцарію 6 шв. фр., Швецію 4.50 шв. кроны, Югославію 60 динаръ, Въ вѣн. европ. ея страны: Азію вост. 3 іскы, Азію зап. 5 шил., Нид. Инд. 3 голл. гульд., Америку вообще 1.50 долл., Аргент. респ. 3 бум. пезо, Бразилію 9 миллр., Чили 9 бум. пезо; Африку: Англ. влад. 5 шил., Итал. вл. 18 ит. лиръ, Франц. вл. 15 фр. фр. Къ заказу просить прилаг. деньги, во изб. замедл. отсылки.

Объявление. Цена въ золотыхъ маркахъ:

20 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ (ширина строки) въ отдѣлѣ объявленій.
1 зол. марка 85 пфен. за миллиметръ въ текстѣ.
15 золотыхъ пфенниговъ за миллиметръ за объявленія о розыскахъ и смерти.
10 зол. пфенниговъ для врачей.
15 " " " прик. повѣренныхъ.
10 зол. пфен. за миллиметръ для шпунтъ мѣста.

При крупных заказах скидка по тарифу. Заграничные объявления по особому тарифу. Прием объявлений и подписка в „Ullstein's", Berlin SW 68, Kochstr. 22-26, и во всех городских отделениях Ullstein'a. Редакция (там же) открыта ежедневно от 11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимают ежедневно от 1/2 до 1/3 часа инд. Телефон редакция Dönhof 47-81.

Основавъ **Л. В. Гессенонъ**, проф. **А. И. Манинъ** и **В. Д. Набоковъ** †

№ 1097-Н

Вторникъ, 15 іюля 1924 г.

5-й г. изд.

Чеховъ въ Германіи.

Хоть струны порваны, аккорды
еще слышатся...

На досю...

Чеховъ, беззавѣтно любившій Россію, опочилъ расчеты съ жизнью на нѣмецкомъ; художникъ русскаго слова, онъ плохимъ «кажущимся» произнесъ предостерегающія слова: «Ich sterbe».

При жизни Чеховъ пользовался въ Германіи общимъ приобщеніемъ, до смерти — въ видахъ любви. Его произведенія — трагедии и частично — переводы поменили до 50 разъ. Чеховскія «komische schichten» до нынѣ не сходятъ со страницъ нѣмецкихъ журналовъ и газетъ. Въ «Prischnitz» иностранной и русской беллетристики (напр., H. Rohl, W. Henckel, G. Gauthier) его рассказы отводятся по нѣскольку мѣсто. О немъ нѣбось солидная историческая литература и даже специальная работа. Критики единодушны въ высокой оцѣнкѣ его таланта.

Интересъ и любовь нѣмцевъ къ Чехову объясняютъ какъ «его» художественнымъ пониманіемъ, такъ и доступностью европейца: по даромъ нѣмецкая критика нежно утвердила за нимъ славу «Der erste deutsche Mairassant».

Переводить и изучать Чехова начали въ Германіи еще въ 90-хъ годахъ: въ 1897 году Andreas-Salomé призналъ въ немъ великаго художника формы, совершеннаго поэта по технике, а въ слѣдующую зиму A. Engelhardt поставилъ его наравнѣ Мопассаномъ.

Эту точку зрѣнія на Чехова слѣдуетъ считать прочно установившейся въ нѣмецкой критикѣ: такъ въ 1904 году Тео Чеховъ подтверждаетъ, что «Чеховъ — великій Мопассанъ». Эта слава утвердилась въ немъ непоколебимо. Чеховъ любит и умѣетъ реально изображать людей и ихъ взаимоотношенія въ маленькихъ рамкахъ. Помогая строгими онъ обрисовываетъ картину, полную живучести. Природу со всеми ея прелестями въ такъко умѣетъ рисовать немногими словами и, выводя ее передъ читателемъ, очаровываетъ. Многие писатели пы-

таются выводить своихъ героев, и герои съ необычайными страстями, переживаниями, планами; Чеховъ же рисуетъ мужчинъ и дѣтокъ такими, какими они встречаются на каждомъ шагу. Его интересуютъ все человѣческое, всѣ душевныя движенія персонажей. За этимъ, онъ проливаетъ въ жизни людей, гдѣ находится богатый матеріалъ для наблюдений. Въ то время какъ другіе писатели даютъ господствовать въ своихъ твореніяхъ, прозябшимъ мыслямъ и идеямъ, Чеховъ всегда объективенъ и изображаетъ жизнь такой, какою она есть.

Такъ высоко былъ оцѣненъ Чеховъ нѣмецкой критикой еще при жизни; расцвѣтъ же его славы въ Германіи наступилъ вскорѣ послѣ смерти: къ этому моменту относятся многочисленные переводы его произведеній, статьи въ журналахъ, эссеи въ книгахъ и даже специальная литература о немъ.

Для этого времени (1905—08 годовъ) нѣмецкой критикѣ о Чеховѣ очень характерна работа Dr. With. Loewenthal'a, руководителя русской семинарии въ Бромбергѣ. «Смерть Чехова переживалась Россіей, какъ національная горе, какъ утрата великаго сына страны, какъ любимца народа. Также и у насъ, въ Германіи, его смерть не прошла незамѣченной: онъ заслужилъ вниманія заграницы. Слѣдуетъ удивляться его несомненной плодотворности, его гениальной продуктивности, если приять во вниманіе, — какъ много мастерскихъ произведеній, какъ много жемчужинъ на поприслѣ юмористическаго рассказа онъ создалъ. Работать онъ удивительно легко и быстро; его маленькіе гениальные рассказы непринужденно возникаютъ изъ-подъ его пера. Чеховъ — повелитель родственныхъ Мопассану; имъ обильно прусиуде реализмическое изображеніе мелочного и смѣшного и изъ маленькихъ смѣшныхъ причинъ возникающихъ комедій и трагедій жизни; также по вѣчной формѣ ихъ творенія имѣютъ много общаго. Чеховъ — реалистъ. Кто читаетъ и наслаждается его драгоценными рассказами, тотъ удивляется его убедительности, умѣнью изображать дѣйствительную жизнь, наглядности, конкретности, спо-

собѣ рассказывать. Онъ былъ реалистъ по всей натурѣ, по всему своему внутреннему существу; какъ врагъ резонерства, онъ любилъ самъ наблюдать и переживать, самъ изучать жизнь въ ея различныхъ проявленіяхъ. Всюду онъ занимался наблюденьемъ надъ жизнью и былъ художникомъ наблюдаемаго. Отсюда происходитъ его многосторонность, многообразие его типовъ и обстановокъ, въ которыхъ разыгрывается дѣйствіе. Чеховъ не былъ специалистомъ отдѣльной группы людей: почти всѣ группы и состоянія выступаютъ въ его рассказахъ. Мужики, чиновники, священники, студенты, помѣщики, купцы, ученики, учитель — словомъ, нѣтъ фигуры, характерной для русской жизни, которую бы онъ не ухватывалъ...

Его рассказы слѣдовало бы называть комедіями и трагедіями повседневности. Онъ выводилъ не большія событія, но глубокія душевныя катастрофы, а маленькія, смѣшныя исторіи, изъ которыхъ состоитъ повседневность, и которыми властвуютъ надъ человѣкомъ. Въ изображеніи этой повседневности и маленькихъ людей Чеховъ обнаруживаетъ свою гениальность.

Почти то-же самое мы читаемъ въ работахъ E. Zabel'a, создавшихъ эпоху въ исторіи знакомства нѣмцевъ съ русской литературой: «Чеховъ знаетъ большіе города и провинцію, меланхолическіе степи и удивительные берега, салоны и хижинны мужиковъ. Все это онъ, какъ европеецъ, разуетъ съ вѣрной ироніей. Его талантъ для маленькаго рассказа, который онъ выполняетъ тонкими и характерными штрихами. По изяществу и духовному богатству его творенія родственны Мопассановскимъ, хотя въ нихъ есть черты, напоминающія художественность Тургенева. Чеховъ — самое интересное явленіе въ современныя славянскихъ литературахъ».

Позже (1913 г.) во взглядъ на Чехова, какъ русскаго Мопассана, Carl Busse вносилъ нѣкоторую поправку: «Чеховъ — художникъ эскизовъ. Онъ скоро былъ признанъ всюду «русскимъ Мопассаномъ»: онъ такъ же зорко наблюдалъ игру жизни; такъ же объективно все воспринималъ; такъ же вѣрно схватывалъ различные

круги; такъ же талантливо творилъ художественныя произведенія изъ ничтожности». Но Мопассанъ, какъ французъ, больше цѣнитъ матеріалъ, болѣе эротиченъ, болѣе гонится за индивидуальнымъ, особеннымъ, своеобразнымъ. Чеховъ, какъ русскій, болѣе интересуется классомъ, тѣмъ единичнымъ и меньше — исключительнымъ, тѣмъ повседневнымъ. Его эскизы проникли по всему культурнымъ народамъ».

Одновременно съ эстетической оцѣнкой творчества Чехова замѣчательна пошла и немцы и съ общественной точки зрѣнія. Prof. A. Brückner говоритъ: «Чеховъ — художникъ Божьей милости и страсти реальности... Ему чужды всякія мистификаціи. Его перо не знаетъ неясности, невнятныхъ деталей. При краткости формы — необычайная наглядность, но ему недостаетъ живыхъ и яркихъ красокъ: его картинны стрѣлы, какъ сама жизнь, которую онъ изображаетъ. Изъ его произведеній мы видимъ, что Россія не живетъ, а спитъ. Онъ Гомеръ безвременья. Онъ застаиваетъ насъ събитыи до упаду и выводитъ съ тѣмъ убитыи, — какъ печальна Россія! Prof. Otto Noetzelъ: «Въ эскизахъ и пьесахъ Чехова Россія представляется страной, монотонной и безутѣшно-печальной. Людямъ ничего не дѣлать, бѣжать, нѣтъ и умираютъ».

По въ позднѣйшихъ работахъ снова спрвалируетъ эстетическая точка зрѣнія. «Чеховъ силеи въ юморѣ и тирѣ, мастеръ анекдотическихъ рассказовъ, — читаемъ у Ernst'a Friedriche's, автора русской литературной исторіи. «Его небольшие эскизы — перлы драгоценнаго юмора. Онъ мастеръ рисовать образы остро и немногими чертами».

A. Ellasberg считаетъ нѣкоторыя новеллы Чехова «самыми художественными въ мировой литературѣ», а его пьесамъ не находить «равныхъ въ западно-европейскомъ драматическомъ искусствѣ».

И сколько бы мы ни приводили другихъ мнѣній въ разглядѣ, всѣ они свѣдѣтельствуютъ объ одномъ: Чеховъ въ Германіи популяренъ, попятъ и по достоинству оцѣненъ.

Александръ Матаиинъ.